

Самоучитель по одиночеству

Жозеф Надж показал исповедь несостоявшегося самоубийцы

Независимая - 2004 - 10 фев. - с. 12

Екатерина Васенина

Жозеф Надж (Йозеф Надь) – хореограф, режиссер, художник, танцовщик с мировым именем. Венгр по происхождению, он родился в Сербии. Оказавшись в Париже в 1980 году, учился в школе Этьена Декру и Марселя Марсо. Последние 9 лет руководит Центром современной хореографии во французском Орлеане. Надж дважды получал премию «Золотая маска» в номинации «Лучший зарубежный спектакль, показанный в России». Его новая постановка «Дневник Незвестного» показана в рамках фестиваля NET.

«...Гофрированное косноязычье дождя все не рвется, мигрень разыгрывается как по нотам, и утро без тени сомнения преобразуется в вечер», – начальные строки «Книги изгнания» из романа Саши Соколова «Палисандрия» как нельзя лучше приглашают в пространство моноспектакля Жозефа Наджа «Дневник Незвестного», действие которого разворачивается на сцене Театра имени Моссовета и в одной полуметной мансарде. По крыше лупит дождь, а в комнатах тем временем тихо и таинственно. Из загородки выходит человек. Он немолод, сед, черный костюм небрежно-элегантно надет на голое тело. Кажется, что человек не уверен в главном – в существовании себя. До выхода к нам с ним что-то случилось, он потерялся. А может быть – нашел дневник неизвестного и теперь отанцовывает, играя, чужую жизнь, обживает чью-то судьбу.

Сфокусировав взгляд на плече или животе, персонаж не уверен, что понимает назначение увиденного, не верит, что и плечо, и живот – его. Он начинает танец – мучительный поиск, танец-доказательство себя. Открывает двери, заглядывает в окна, вскрывает сундуки и коробки, как будто там можно найти свою душу, пересыпан-

ную нафталином и ватой для сохранности. Хореография воспоминаний заводит героя в ванную комнату, ему попадает на глаза манекен, одетый в точно такой же костюм. Манекен бережно снимается с подставки, укладывается в ванну (или гроб?) и тихонько покачивается на покатых боках, как колыбель. Нет, наверное, себя не отыскать.

Разве попробовать еще? Так: рука сгибается в локте, нога в колене, пальцы сжимаются в кулак и. рассекают пространство. Прыжки из угла в угол, подскоки на месте с заложенными за спиной руками – то вкрадчиво и упруго, то яростно и наотмашь (тенью мелькает увлечение Наджа восточными единоборствами). Но мышеловка собственного тела держит крепко, и воспоминаниям, какие бы восхитительные или чудовищные они ни были, не вырваться – мелькнут на секунду в жесте и снова юркнут в тело, тешить и мучить бедного владельца.

Доказательство своей телесности – одна из главных функций европейского современного танца, тем более важной в условиях нарастающей техногенности цивилизации, где человеку с его потребностями в физических действиях часто нечего делать. Из трудного доказательства существования современного человека с трепещущей сердцевинкой внутри Надж выстраивает сказку, в которой сказочными персонажами выступают и светоотражающий лист железа, и изменчивые тени на стене, и невидимые нам призраки. Они приходят к Наджу помолчать о чем-то важном и вместе подстеречь то волшебное мгновение, когда «достигается состояние благодати, когда на пороге сна контуры реальности растворяются в ночи». Призраков видит только сам Надж, вдруг замирающий на минуту: спектакль посвящен двум ушедшим из жизни дру-

зьям, третий друг сошел с ума и искромсал свои картины молотком. В моменты статики, когда Надж перестает ломать свое уже не совсем податливое тело, понимаешь, насколько магнетично обаяние его личности: даже когда Надж просто стоит (и даже если бы он взял и уснул) – смотреть на него по-прежнему интересно.

Самобытный визуальный язык спектаклей Наджа (игра теней, видеоинсталляции с античными тарелками, из которых монтаж потихоньку «выедает» середину до самых краев, тоже работают на общую метафору потери) отсылает к его знаменитым землякам-фотографам, которые тоже писали историю искусства и ломали устои, обретая признание на Западе. Создатель знаменитого парижского фотоагентства «Магнум» Робер Капа, фотомэтры Брассай и Ласло Мохой-Надь были революционерами в фотографии, как и Надж (Надь!) в театре, один из первых алхимически смешавший театр, танец и видео. Творчество венгерских фотографов явно, но сильно корреспондирует со спектаклями Наджа, а герой «Дневника» нам так и не назван – сам ли это Надж или кто-то из его ушедших из жизни друзей, можно принять, что герой спектакля – читающий газету ангел с известной фотографии венгра Каролай Эшер («Ангел мира», 1938). Ангел в круглых очках сидит на скамейке, читает газету, улыбается, а мы, зная, что Надж черпает спектакли из собственной памяти, не сомневаемся, что в его национальной памяти живет и этот знаменитый ангел – и именно он спасет Незвестного, когда черная ночная тоска занесет над его горлом топор. Сказочный хронотоп, созданный Наджем, допускает такие неожиданные хеппи-энды. ■

Екатерина Васенина – театральный критик.